

конкурентоспособность таких социально значимых продовольственных товаров, как мясные и молочные продукты, выявление проблем и определение основных механизмов государственного регулирования, направленных на поддержку конкурентоспособности социально значимых продуктов.

В результате исследования были выявлены проблемы в области социально значимых продуктов и рассмотрены пути их решения, обеспечивающие конкурентоспособность таких продуктов

Ключевые слова: государственное регулирование, конкурентоспособность, социально значимые продукты, механизмы государственной поддержки

Благодарность: Это исследование финансируется Комитетом науки Министерства науки и высшего образования Республики Казахстан (Грант № AP23489368).

ABOUT THE AUTHORS

Doskeyeva G. Zh. – Doctor of Economic Sciences, Professor of the School of Law and Public Administration, Narxoz University, Almaty, Republic of Kazakhstan, email: gulashar.doskeeva@narxoz.kz, ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-6216-1545>.*

Aidarbayev S. Zh. – Doctor of Law, Professor of the School of Law and Public Administration, Narxoz University, 55 Zhandosov Street, Almaty, Republic of Kazakhstan, email: sagyngaliy.aidarbayev@narxoz.kz ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-8421-5150>

Myrzakhmetova A. M. – Candidate of Economic Sciences, Associate Professor, Al-Farabi Kazakh National University, 71 Al-Farabi Ave., Almaty, Republic of Kazakhstan, email: aidam201167@gmail.com, ORCID ID: 0000-0002-8421-5150.

МРНТИ: 04.21.51

JEL Classification: 015

DOI: <https://doi.org/10.52821/2789-4401-2025-4-39-53>

ГОСУДАРСТВЕННОЕ УПРАВЛЕНИЕ ВНЕШНЕЙ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ МИГРАЦИЕЙ МОЛОДЕЖИ КАЗАХСТАНА

Ж. Ж. Аргынбаева¹

¹НАО «Университет Нархоз», г. Алматы, Казахстан

АННОТАЦИЯ

Цель исследования - выявление масштабов и особенностей внешней и региональной образовательной миграции молодежи Казахстана, а также обоснование мер государственной политики, позволяющих использовать потенциал образовательной мобильности как фактор устойчивого развития.

Методология. В исследовании применены методы сравнительного и структурного анализа статистических данных по миграции в разрезе регионов и специальностей, а также контент-анализ государственных программ и нормативных документов, регулирующих миграционную, образовательную и миграционную политику в Казахстане.

Оригинальность исследования. Проведено сопоставление внешней и региональной миграции молодежи Казахстана в единой аналитической рамке. Подход позволяет выявить взаимосвязь между территориальными диспропорциями внутри страны и масштабами «утечки мозгов» за рубеж. Ценность работы заключается в интеграции количественного анализа миграционной статистики и анализа государственной политики, что обеспечивает комплексное понимание миграционных процессов.

Результаты исследования. Наибольший отток молодежи наблюдается среди специалистов технического, экономического и педагогического профиля, особенно в северных и восточных регионах Казахстана. Два южных региона и два западных региона, напротив, демонстрируют относительную привлекательность для молодежи. Сравнение положений государственных программ свидетельствует о постепенной адаптации молодежной политики к новым вызовам, однако сохраняются пробелы в удержании специалистов стратегически важных направлений.

Ключевые слова: миграция; молодежь; образование; государственная политика; утечка мозгов; человеческий капитал.

Благодарность: Источник финансирования исследований. Данное исследование проведено в рамках реализации проекта AP22683402 «Внешняя образовательная и трудовая миграция казахстанской молодежи: тенденции и риски» (2024-2026 гг.) по заказу Комитета науки МНВО РК.

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы исследования. Внешняя образовательная миграция молодежи Казахстана выступает одним из ключевых факторов, определяющих динамику формирования человеческого капитала и устойчивое развитие страны. Казахская молодежь в возрасте 14–35 лет, составляющая порядка 30,4% населения [1], наиболее вовлечена в процессы образовательной мобильности.

В последние два десятилетия Казахстан имеет устойчивый отрицательный баланс по международной студенческой мобильности: с наибольшим уровнем в 2016–2018 годы (более 77 тыс. человек) [2]. По данным UNESCO IESALC 10,8% казахстанских студентов обучались за рубежом, чтократно превышает среднемировой уровень (2,7%) и уровень стран с сопоставимым доходом (2,1%). При этом приток иностранных студентов в Казахстан (5,4%) не компенсирует высокий отток, закрепляя за страной статус донора интеллектуальных ресурсов [3].

При этом образовательная миграция молодежи в Казахстане представляет собой двухуровневое явление: с одной стороны, массовый внешний отток квалифицированных кадров, усиливающий «утечку мозгов»; с другой стороны существуют внутренние региональные дисбалансы, препятствующие равномерному развитию территорий. При этом региональная образовательная миграция носит асимметричный характер: высокий отток специалистов фиксируется в Южно-Казахстанской, Мангистауской и Атырауской областях, в то время как Карагандинская, Восточно-Казахстанская и Павлодарская области демонстрируют положительный баланс, выступая центрами притяжения молодежи [4].

Наибольшая потеря потенциала наблюдается в технических, экономических и медицинских специальностях, которые формируют основу кадрового потенциала для индустриально-инновационного развития. Очевидно, что достаточно изученная проблема «утечки мозгов» выходит за рамки академического обсуждения, превращаясь в стратегический вызов для государства, требующего системных мер в сфере молодежной и образовательной политики.

Актуальную проблему представляет собой отток молодежи за рубеж, одной из ключевых причин которого является получение высшего образования. На глобальном уровне происходит конкуренция за таланты. Современные тенденции глобализации и международной образовательной мобильности демонстрируют устойчивый рост числа казахстанских студентов, получающих образование за рубежом. По данным разных источников, от 85 до 92 тысяч казахстанцев обучаются за пределами страны [4], [3], [5].

Миграционные процессы сопровождаются существенным риском потери интеллектуального потенциала, поскольку многие выпускники предпочитают остаться жить и работать за границей [6], [7]. Образовательная миграция из индивидуальной стратегии самореализации в ответ на сложившиеся социально-экономические условия, становится структурным фактором, влияющий на занятость, социальную мобильность и региональное развитие [8], [9]. Особенностью Казахстана является то, что массовый отток молодежи из центральных и северных регионов в крупные города и за рубеж усиливает социально-экономические дисбалансы и снижает индекс человеческого развития [10].

По некоторым оценкам, эффективность таких системных мер, как программа «Болашак» и Концепции государственной молодежной политики на 2023–2029 гг., ориентированных на удержание

талантов и формирование кадрового потенциала, ограничена отсутствием комплексного подхода [11], [7]. В условиях евразийской интеграции и инициативы «Шелковый путь» образовательная мобильность молодежи может трансформироваться из «утечки» в «циркуляцию мозгов», однако для этого необходимы новые механизмы управления, основанные на эмпирическом анализе и международных сопоставлениях [12].

Целью данного исследования является выявление структурных факторов и региональных особенностей образовательной и трудовой миграции молодежи в Казахстане в контексте глобальных и региональных миграционных трендов. Работа направлена на:

- 1) анализ статистики по Казахстану и данным международных организаций (UNESCO, ICMPD, Всемирный банк), отражающих масштабы и направления молодежной миграции;
- 2) выявление социально-экономических и демографических последствий оттока молодежи для отдельных регионов страны, с опорой на национальные публикации Агентства по стратегическому планированию и реформам РК;
- 3) сопоставление национальных тенденций с общемировыми моделями молодежной миграции и изменения жизненных траекторий (life course transitions);
- 4) оценку формальных государственных политик в контексте удержания человеческого капитала и трансформации «утечки мозгов» в «циркуляцию мозгов».

Впервые в научной практике формируется аналитическая основа для прогнозирования и выработки мер управления молодежной миграцией в условиях евразийской интеграции и глобальной конкуренции за человеческий капитал.

ОБЗОР ЛИТЕРАТУРЫ И ОСНОВНЫЕ ПОЛОЖЕНИЯ

Теоретические подходы к исследованию миграции молодежи. Миграционные процессы традиционно объясняются через классическую push–pull модель [13], а также через концепции миграции как социальной трансформации [14], [15], [16]. Современные исследования акцентируют внимание на сочетании индивидуальных устремлений и доступных возможностей (aspirations–capabilities framework) [8].

Анализ жизненных траекторий индивидов как последовательностей событий, формируемых взаимодействием биографических, социальных и исторических факторов жизненного пути или траектории [17] позволяет рассматривать образовательную миграцию как часть жизненной траектории [9], включая переход к взрослости [18] и построение карьеры [19]. Важным в миграционных исследованиях является и понимание мобильности как базового социального явления [20].

Феномен «утечки мозгов» и международный опыт. Ключевым вызовом образовательной миграции с точки зрения государственного управления является потеря квалифицированных кадров. Международные исследования фиксируют двойственный эффект: потерю талантов [21], [4] и возможности «циркуляции мозгов» при наличии условий для возвращения [22], [23]. Китайский опыт демонстрирует ограниченность мер по репатриации без создания карьерных стимулов [24]. Для Казахстана это подтверждает необходимость институциональных реформ в сфере образования и науки [25]. В качестве альтернативы традиционным моделям в последнее десятилетие рассматривается концепция мобильной транзитности (mobile transitions) [9], которая подчеркивает нелинейный и многоэтапный характер молодежной мобильности. В отличие от классической модели «отъезда–возвращения», подход трактует образовательную миграцию как последовательность переходов — от обучения и временной занятости за рубежом до последующей профессиональной интеграции и возможного возвращения на родину.

Для Казахстана данная концепция особенно значима, поскольку многие молодые мигранты выбирают именно гибридные траектории, совмещающие учебу, работу и транснациональные связи.

Казахстан в евразийской и глобальной миграционной системе. Казахстан в евразийской миграционной системе в течение нескольких десятилетий является страной-донором квалифицированных кадров и транзитным хабом [3], [5], [26]. Данные UNESCO фиксируют более 80 тыс. студентов, обучающихся за рубежом, что усиливает интеллектуальные потери. Программа «Болашак» выступает важным инструментом регулирования образовательной мобильности, однако ее результативность ограничена слабыми механизмами репатриации и карьерной интеграции [7], [27].

Для Казахстана ключевым инструментом может быть углубление интернационализации национальных вузов и расширения международных академических сетей, что должно стать ключевым инструментом противодействия оттоку молодежи [28]. Важно, что интеграция казахстанских университетов в глобальное образовательное пространство способствует развитию совместных исследовательских проектов, академических обменов и программ двойных дипломов. Такой подход позволяет трансформировать внешнюю образовательную миграцию из «утечки мозгов» в «циркуляцию знаний» [6], [12].

Региональные и социальные особенности молодежной миграции. Миграция в Казахстане имеет выраженные региональные различия: северные и восточные области фиксируют значительный отток, тогда как Астана и Алматы концентрируют миграционные потоки [25], [29]. Внутренняя урбанизация тесно связана с внешней образовательной миграцией [30]. Для сельских школьников образовательная миграция остается единственной стратегией социального лифта [31]. Процессы усиливают диспропорции в распределении человеческого капитала и снижают индекс человеческого развития в отдельных регионах [3], [32].

Международные базы данных и рекомендации. OECD (2019) подчеркивает важность интеграции образовательных мигрантов для обеспечения социальной сплоченности [33]. Международные исследования рекомендуют цифровизацию мониторинга образовательной миграции [34], поддержку «brain circulation» через диаспоральные сети [12] и адаптацию образовательных политик под транснациональные траектории молодежи [23].

ICMPD фиксирует тенденцию к усилению мобильности в Центральной Азии в условиях геополитической нестабильности [35]. На глобальном уровне для Казахстана отмечается, что академическая мобильность является фактором, определяющим структурные изменения рынка труда [36], [2].

Основные положения исследования. Региональная статистика подтверждает, что образовательная миграция молодежи в Казахстане имеет ярко выраженный пространственный характер. За период 2000–2024 гг. совокупный миграционный отток составил –269,7 тыс. человек [37], причем наибольшие потери фиксируются в индустриально развитых северо-восточных регионах — Карагандинской, Восточно-Казахстанской и Павлодарской областях. В то же время положительное сальдо отмечается в южных и нефтегазодобывающих регионах (Южно-Казахстанская, Мангистауская, Атырауская области, г. Шымкент), что приводит к концентрации человеческого капитала и углублению региональных диспропорций.

Структурный анализ показывает, что наиболее уязвимыми сферами остаются техническое (–96,7 тыс.), экономическое (–39,1 тыс.) и педагогическое (–29,3 тыс.) направления подготовки. Высокие потери в данных областях препятствуют модернизации промышленности, инновационному развитию и формированию устойчивой системы образования, что снижает общий индекс человеческого развития страны.

На международном уровне образовательная мобильность молодежи определяется воздействием глобальных процессов — цифровизации, геополитической нестабильности и трансформации рынков труда. Центральная Азия характеризуется ростом академической мобильности как структурного фактора, усиливающего конкуренцию за таланты и стимулирующего отток молодежи из Казахстана в Россию, Европу и страны ОЭСР [6], [38].

В сложившихся условиях государственная политика требует перехода от точечных мер, аналогичных программам обучения в зарубежных университетах, к системным стратегиям, основанным на учете жизненных траекторий, и региональной специфики [39], [40]. Как показывает мировая практика, комплексные институциональные реформы и международное сотрудничество способны превратить образовательную миграцию из фактора «утечки мозгов» в ресурс для устойчивого развития и укрепления национального человеческого капитала.

ОСНОВНАЯ ЧАСТЬ ИССЛЕДОВАНИЯ

Применяемые методы исследования. Методологическая основа исследования строится на принципах системного, институционального и подхода исследования жизненных траекторий. Такой фундамент позволяет рассматривать внешнюю образовательную миграцию молодежи Казахстана как

многоуровневый процесс, интегрирующий индивидуальные траектории, институциональные механизмы и воздействие глобальных факторов [14], [8], [9]. Применение life course-подхода дает возможность проследить, как образовательная мобильность включается в переход молодежи к взрослости, формируя долгосрочные траектории занятости и социальной интеграции.

Эмпирическая база исследования опирается на официальную статистику Бюро национальной статистики Республики Казахстан за период 2000–2024 годов, включая распределение миграционных потоков по регионам и направлениям подготовки специалистов [37]. Дополнительно использованы данные международных организаций, таких как Организация Объединенных Наций по вопросам образования, науки и культуры [36], Международная организация по миграции, Организация экономического сотрудничества и развития [33] и Международный центр по развитию миграционной политики [2]. В исследование включены также нормативно-правовые акты, регулирующие миграционную, образовательную [41] и молодежную политику [42], что позволило сопоставить статистические тренды с институциональными рамками.

SWOT-анализ применялся для оценки сильных и слабых сторон национальной образовательной системы, международных возможностей сотрудничества и угроз, связанных с «утечкой мозгов» и геополитической нестабильностью.

Факторный анализ был направлен на выявление скрытых переменных, определяющих миграционное поведение молодежи: доступность образовательной инфраструктуры, социально-экономические различия регионов и перспективы трудоустройства. Сравнительный анализ позволил сопоставить казахстанские тенденции с опытом России, Китая и стран Европейского союза, выявив общие закономерности и специфические особенности.

В ходе анализа был применен комплекс взаимодополняющих методов. Количественный блок включал построение динамических рядов, расчет коэффициентов миграционного оттока по регионам и направлениям подготовки, а также применение индексного и факторного анализа для выявления ключевых детерминант образовательной миграции [43]. Анализ нормативно-правовой базы позволил выявить институциональные пробелы в регулировании образовательной и молодежной мобильности [44]. Сочетание методов позволило выявить структурные и региональные особенности образовательной миграции молодежи и прогнозировать возможные изменения миграционных траекторий.

Анализ нормативно-правовой базы. Эволюция нормативно-правового регулирования молодежной политики в Казахстане отражает переход от точечных мер социальной поддержки к системным стратегиям, ориентированным на устойчивое развитие и интеграцию в международное образовательное пространство. Комплексный план по поддержке молодежи на 2021–2025 годы [45] зафиксировал меры по обеспечению доступного образования, профориентации и вовлечению молодежи в научную деятельность, однако носил преимущественно социальный характер и лишь косвенно затрагивал вопросы внешней образовательной миграции.

Важным институциональным нововведением стало внесение изменений в законодательство о государственной молодежной политике в 2022 году, в результате которых возраст молодежи был расширен до 35 лет [46]. Решение увеличило долю молодежи в структуре населения до 6 млн человек, усилив стратегическую значимость задач по удержанию квалифицированных кадров в условиях «утечки мозгов».

Ключевым этапом развития нормативной базы стало принятие Концепции государственной молодежной политики Республики Казахстан на 2023–2029 годы, в которой впервые молодежная политика обозначена как часть национальной стратегии устойчивого развития и, что особенно важно, создании условий для возвращаемости выпускников зарубежных вузов [47]. В структуру Концепции интегрированы проекты, направленные на формирование национальной идентичности, однако здесь сохраняется несогласованность между культурно-воспитательными задачами и механизмами регулирования образовательной мобильности.

В 2023 году был утверждён новый вариант Государственной программы развития образования и науки с выделением задач по интернационализации вузов и развитию академической мобильности [48]. Дополнительно в 2025 году в Комплексный план по поддержке молодежи и в Государственную программу развития образования и науки были внесены изменения [49], [50], усилившие меры по цифровой трансформации и поддержке молодых специалистов.

Таким образом, выделяются три ключевые тенденции: постепенный переход от разрозненных мер к системной политике; признание образовательной миграции молодежи одним из факторов конкурентоспособности страны; сохранение институциональных пробелов в части разработки конкретных инструментов репатриации, стимулирования возвращения выпускников и учета региональных дисбалансов.

Региональная специфика миграции. Анализ региональной специфики миграции по направлениям подготовки показывает ярко выраженные территориальные контрасты. Наибольший отрицательный баланс наблюдается в индустриально развитых северных и восточных областях. Так, Восточно-Казахстанская область демонстрирует максимальные потери (–57,6 тыс. чел.), за ней следуют Карагандинская область (–50,7 тыс. чел.), Костанайская область (–47,6 тыс. чел.) и Павлодарская область (–42,6 тыс. чел.). Для этих регионов характерен высокий отток по техническим и экономическим специальностям, что отражает структурные дисбалансы между потребностями экономики и возможностями рынка труда.

Таблица 1 – Сальдо миграции по регионам Казахстана, 2024 год

Регион	Сальдо миграции, человек
Карагандинская область	-50676
Восточно-Казахстанская область	-57555
Павлодарская область	-42644
Костанайская область	-47558
Северо-Казахстанская область	-33706
Акмолинская область	-30199
Актюбинская область	-9271
г.Астана	-8546
Жамбылская область	-8365
Западно-Казахстанская область	-9436
г.Алматы	-14527
Алматинская область	1750
Кызылординская область	-449
Область Абай	-727
Область Ұлытау	-240
Область Жетісу	-97
г.Шымкент	1552
Туркестанская область	574
Атырауская область	3368
Южно-Казахстанская область	19864
Мангистауская область	17203
Всего	-269685
Примечание – составлено на основании источника [37]	

В социально-экономически депрессивных регионах центральной зоны (Акмолинская и Северо-Казахстанская области) фиксируется значительный отток по педагогическим и медицинским специальностям. Например, в Северо-Казахстанской области дефицит составил более –5,6 тыс. педагогов и –1,9 тыс. врачей, что усиливает угрозу кадрового голода в социальной сфере.

Города республиканского значения демонстрируют разноплановую динамику. Алматы, несмотря на отрицательное сальдо (–14,5 тыс. чел.), выделяется положительным балансом по медицинским специальностям (+643) и сохраняет привлекательность для гуманитарных направлений. В то же время Астана теряет специалистов почти по всем направлениям, особенно в сфере техники и архитектуры (–4,4 тыс. чел. суммарно), что связано с высокой мобильностью молодежи и ориентацией на зарубежные образовательные центры.

Таблица 2 – Сальдо миграции по регионам и специальностям, человек

	Технические специальности, человек	Медицинские и педагогические специальности, человек	Прочие специальности
Карагандинская область	-22619	-9149	-18908
Восточно-Казахстанская область	-22328	-10290	-24937
Павлодарская область	-19318	-6917	-16409
Костанайская область	-18687	-8412	-20459
Северо-Казахстанская область	-11871	-7609	-14226
Акмолинская область	-11681	-6196	-12322
Актюбинская область	-4383	-1716	-3172
г.Астана	-4414	-1777	-2355
Жамбылская область	-2807	-636	-4922
ЗКО	-2666	-1853	-4917
г.Алматы	-6064	643	-9106
Алматинская область	-703	1613	840
Кызылординская область	-345	-105	1
Область Абай	-326	-121	-280
Область Ұлытау	-128	-26	-86
Область Жетісу	-33	-4	-60
г.Шымкент	220	458	874
Туркестанская область	202	134	238
Атырауская область	1001	932	1435
Южно-Казахстанская область	6007	7836	6021
Мангистауская область	5012	3079	9112
Всего	-115931	-40116	-113638
Примечание – составлено на основании источников [37], [1]			

Особый интерес представляют регионы с положительным миграционным сальдо: Мангистауская область (+17,2 тыс. чел.) и Южно-Казахстанская область (+19,9 тыс. чел.), которые демонстрируют прирост по всем ключевым специальностям, особенно в технической, медицинской и педагогической сферах. Положительная динамика наблюдается также в Атырауской области (+3,4 тыс. чел.), что объясняется высоким уровнем занятости в нефтегазовом секторе и наличием образовательных программ, ориентированных на подготовку инженеров и медиков. Туркестанская область и г. Шымкент также фиксируют прирост, однако в значительно меньших масштабах (+574 и +1,6 тыс. чел. соответственно).

Таблица 3 – Внешняя миграция населения в возрасте старше 15 лет по специальностям, человек

	2000 год	2010 год	2020 год	2024 год	2000–2024 годы
Техническое	38146	8424	8934	3082	336000
Сельскохозяйственное	6690	776	460	282	41100
Архитектурно-строительное	6654	1676	894	584	51490
Медицинское	9292	1668	1520	560	70576
Педагогическое	15648	3418	2908	984	134492
Экономическое	10836	4254	4662	1432	144124
Юридическое	1934	1064	1082	392	35506
Прочие	32060	8510	10720	4106	319188
Всего	121260	29790	31180	11422	1132476
Примечание – составлено на основании источника [37]					

Сравнение по направлениям подготовки показывает, что наибольший отток приходится на технические специальности (–96,7 тыс. чел.) и экономические специальности (–39,2 тыс. чел.), что отражает глобальные тренды утечки квалифицированных кадров в условиях цифровизации и индустриализации. На втором месте – педагогические специальности (–29,3 тыс. чел.), где потери особенно критичны для регионов с низкой плотностью населения. Отрицательный баланс фиксируется и по медицинским кадрам (–10,8 тыс. чел.), что усиливает нагрузку на региональные системы здравоохранения.

Выявление факторов изменения миграционных трендов. Следует отметить, что после 2019 года образовательная миграция казахстанской молодежи по всем направлениям демонстрирует нисходящий тренд. Наиболее значительным был отток по STEM и прикладным специальностям, достигший пика в 16,5 тыс. студентов в 2019 году, но сократившийся более чем в четыре раза к 2024 году. Схожая динамика наблюдается и в социально-гуманитарной сфере, где показатель снизился с 14,4 тыс. до 2,8 тыс. человек.

Сокращение образовательной мобильности объясняется совокупностью факторов: пандемией COVID-19, приведшей к закрытию границ и переходу на дистанционные форматы [23], геополитической нестабильностью в Евразийском регионе, ограничившей возможности обучения за рубежом [43], а также расширением доступа к вузам внутри страны, включая новые государственные программы и рост региональной инфраструктуры [51].

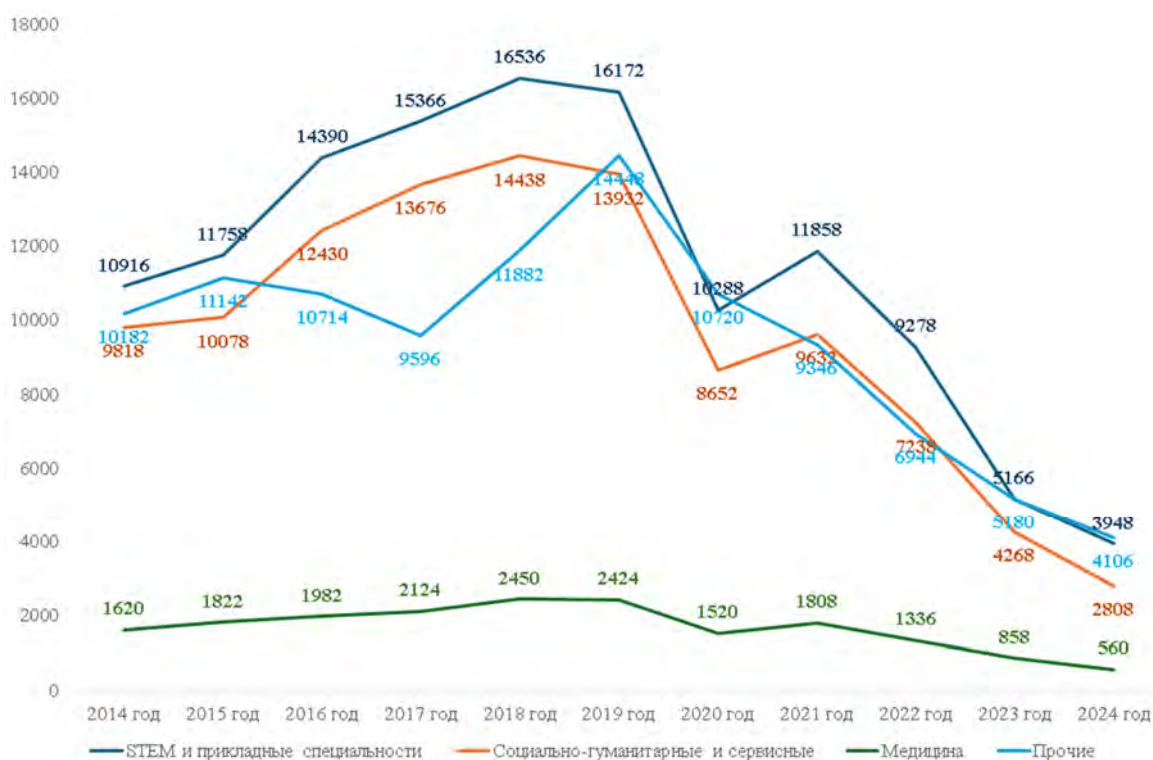

Рисунок 1 – Динамика выбытия по специальностям за период 2014–2024 годы, человек

Примечание – составлено автором на основе источника [37]

Динамика отражает трансформацию условий и стратегий молодежи, что требует дальнейшего анализа в контексте концепции «aspirations–capabilities» [8]. Данный подход позволяет интерпретировать образовательную миграцию не только как следствие структурных ограничений на внутреннем рынке труда и в системе образования, но и как результат взаимодействия индивидуальных устремлений с доступными возможностями.

В условиях Казахстана это проявляется в том, что высокая мотивация к получению качественного образования и построению профессиональной карьеры за рубежом сталкивается с институциональными

ми барьерами возвращения и ограниченной реализацией карьерных траекторий внутри страны [21]. Таким образом, изменения в масштабах и направлениях молодежной миграции отражают не только экономические и региональные дисбалансы, но и социально-психологические факторы, связанные с представлениями о будущем и стратегиями самореализации.

ПОЛУЧЕННЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ (ВЫВОДЫ)

Проведённое исследование позволило выявить ряд ключевых закономерностей, характеризующих внешнюю и региональную образовательную миграцию молодёжи Казахстана.

Во-первых, статистический анализ динамики показал, что за период 2000–2024 годов масштабы оттока студентов за рубеж остаются устойчиво высокими [3]. При этом фиксируется чистый отрицательный баланс миграции специалистов, что указывает на формирование долгосрочной угрозы утраты человеческого капитала.

Во-вторых, региональная специфика образовательной миграции проявляется в резких диспропорциях: наибольший дефицит кадров фиксируется в северных и восточных областях (Северо-Казахстанская, Костанайская, Восточно-Казахстанская), где совокупные потери специалистов составляют десятки тысяч человек, прежде всего в педагогической и медицинской сферах. В то же время в южных и западных регионах (Туркестанская, Атырауская, Мангистауская области, г. Шымкент) наблюдается положительное сальдо миграции, особенно по техническим и медицинским направлениям, что усиливает пространственное неравенство и углубляет дисбаланс регионального развития.

В-третьих, анализ нормативно-правовой базы показал, что государственная политика эволюционировала от фрагментарных мер поддержки к системным стратегиям. Вместе с тем сохраняются институциональные пробелы в части механизмов возвращения выпускников зарубежных вузов, интеграции региональной специфики и учёта гендерных различий.

В-четвёртых, факторный анализ выявил, что ключевыми детерминантами образовательной миграции выступают: 1) различия в доступности и качестве образовательных программ; 2) уровень регионального социально-экономического развития; 3) возможности трудоустройства и карьерного роста; 4) влияние глобальных трендов, включая цифровизацию и геополитическую нестабильность.

В-пятых, сопоставление с международным опытом (Китай, Россия, страны ЕС) показало, что успешные стратегии управления миграцией основываются на сочетании институциональных реформ, стимулировании карьерных возможностей и создании условий для «циркуляции мозгов» [19], [24]. Для Казахстана адаптация этих мер представляется ключевым условием повышения эффективности государственной политики в сфере образования и кадрового обеспечения.

Таким образом, исследование подтверждает, что образовательная миграция в её нынешней форме усиливает социально-экономические диспропорции и снижает устойчивость национального развития. При этом при наличии системных реформ и стимулирующих механизмов образовательная мобильность может трансформироваться в фактор «циркуляции человеческого капитала», способствующий инновационному развитию страны.

Список источников

1. Бюро национальной статистики Агентства по стратегическому планированию и реформам Республики Казахстан. Численность населения Республики Казахстан по полу и типу местности (на 1 июля 2025 г.). 2025.
2. UNESCO. Higher Education Policy Observatory: Kazakhstan – Higher education snapshot and international student mobility. 2024.
3. UNESCO Institute for Statistics. Net flow of internationally mobile students (inbound – outbound), both sexes, Kazakhstan. 2025.
4. Zhalnina K. International Educational Migration: Case of Kazakhstan // Eurasian J. Econ. Bus. Stud. University of International Business, 2021. Т. 3, № 61.
5. Burnashev R., Chernykh I. Kazakhstan in the Eurasian migration system: key trends for the early 2020s // Int. Relat. Int. Law J. al-Farabi Kazakh National University, 2024. Т. 106, № 2. С. 19–31.

6. Kabiye D. Kazakhstan & Central Asia: Brain Drain or Brain Gain? 2025.
7. Bokayev B., Torebekova Z., Davletbayeva Z. Preventing Brain Drain: Kazakhstan's Presidential "Bolashak" Scholarship and Government Regulations of Intellectual Migration // Public Policy Adm. Kaunas University of Technology (KTU), 2020. T. 19, № 3. C. 25–35.
8. De Haas H. A theory of migration: the aspirations-capabilities framework // Comp. Migr. Stud. Springer Science and Business Media LLC, 2021. T. 9, № 1.
9. Robertson S., Harris A., Baldassar L. Mobile transitions: a conceptual framework for researching a generation on the move // J. Youth Stud. Informa UK Limited, 2018. T. 21, № 2. C. 203–217.
10. Tsaurkubule Z. и др. Assessment of competitiveness of regions of the Republic of Kazakhstan // Insights Reg. Dev. UAB Sustainability for Regions, 2020. T. 2, № 1. C. 469–479.
11. Zaynieva L. The importance of the international scholarship «Bolashak» in the formation of the personnel reserve of the Republic of Kazakhstan // Bull. Ser. Hist. Socio-Polit. Sci. Abai Kazakh National Pedagogical University, 2023. T. 74, № 3(2023).
12. Kappassova G. и др. Migration Processes in the Republic of Kazakhstan: Regularities, Problems, and Prospects // Two Homel. The Research Center of the Slovenian Academy of Sciences and Arts (ZRC SAZU), 2024. № 59.
13. Lee E.S. A theory of migration // Demography. Duke University Press, 1966. T. 3, № 1. C. 47–57.
14. Castles S. Understanding Global Migration: A Social Transformation Perspective // J. Ethn. Migr. Stud. Informa UK Limited, 2010. T. 36, № 10. C. 1565–1586.
15. Portes A. Migration and Social Change: Some Conceptual Reflections // J. Ethn. Migr. Stud. Informa UK Limited, 2010. T. 36, № 10. C. 1537–1563.
16. Van Hear N. Theories of Migration and Social Change // J. Ethn. Migr. Stud. Informa UK Limited, 2010. T. 36, № 10. C. 1531–1536.
17. Flöthmann E.-J. Migration and the Life Course // Bull. Sociol. Methodol. Méthodologie Sociol. SAGE Publications, 1993. T. 39, № 1. C. 45–58.
18. Horowitz J., Entwisle B. Life Course Events and Migration in the Transition to Adulthood // Soc. Forces. Oxford University Press (OUP), 2021. T. 100, № 1. C. 29–55.
19. Karachurina L., Mkrtchyan N. The Up and Down Migration at Various Life-Course Stages: Russia Case Study // Popul. Space Place. Wiley, 2025. T. 31, № 6.
20. Cresswell T. On the Move: Mobility in the Modern Western World. 0 изд. Routledge, 2012.
21. Lo L., Li W., Tan Y. Students on the move? Intellectual migration and international student mobility // J. Ethn. Migr. Stud. Informa UK Limited, 2023. T. 49, № 18. C. 4621–4640.
22. Vertovec S. Super-diversity and its implications // Ethn. Racial Stud. Informa UK Limited, 2007. T. 30, № 6. C. 1024–1054.
23. Mazzucato V., Haagsman K. Transnational youth mobility: new categories for migrant youth research // J. Ethn. Migr. Stud. Informa UK Limited, 2022. T. 48, № 11. C. 2473–2492.
24. Cao C. China's brain drain at the high end: Why government policies have failed to attract first-rate academics to return // Asian Popul. Stud. Informa UK Limited, 2008. T. 4, № 3. C. 331–345.
25. Abdramanova U.E. и др. The economic consequences of youth migration in Kazakhstan: an analysis of the loss of human capital // Bull. Turan Univ. Turan University, 2024. № 4. C. 186–199.
26. Massey D.S. The perils of seeing twenty-first century migration through a twentieth-century lens // Int. Soc. Sci. J. Wiley, 2018. T. 68, № 227–228. C. 101–104.
27. Iskakova D. и др. Regulation of Educational and Labour Migration of Kazakhstan Youth Abroad // Migr. Lett. 2022. T. 19, № 5.
28. Ledeneva V.Yu. и др. Educational Policy of Kazakhstan in the Context of Youth Migration // Vysshee Obraz. V Ross. High. Educ. Russ. 2021. T. 30, № 6. C. 156–168.
29. Serikzhanova S.S., Zhanuzakova A.A. Motives of internal migration in Kazakhstan: a comparative analysis on the example of three large cities // J. Psychol. Sociol. al-Farabi Kazakh National University, 2022. T. 81, № 2.

30. Tatibekov B.L., Reuel H., Sabdenaliyev B. Migration in the north and the south capitals of Kazakhstan: theory, factors and econometric analysis // Stat. Uč Audit. Almaty Academy of Economy and Statistic, 2024. T. 94, № 3. С. 101–113.
31. Kurmangalieva A., Abdrakhmanova G. Миграционные, карьерные и образовательные стратегии сельских школьников Казахстана // Vopr. Obraz. Educ. Stud. Mosc. National Research University, Higher School of Economics (HSE), 2013. № 2. С. 121–139.
32. Бокаев Б.Н., Ахметова Г.Б. Образовательная мобильность как инструмент экономического регулирования внутренней миграции в Республике Казахстан // J. Econ. Res. Bus. Adm. al-Farabi Kazakh National University, 2024. Т. 149, № 3. С. 174–188.
33. OECD. The Road to Integration: Education, Migration and Social Cohesion. OECD, 2019.
34. Li W., Lo L., Lu Y. Introduction: the intellectual migration analytics // J. Ethn. Migr. Stud. Informa UK Limited, 2023. Т. 49, № 18. С. 4577–4597.
35. International Centre for Migration Policy Development. Migration Outlook: Eastern Europe and Central Asia 2024: Report. Vienna: ICMPD, 2024.
36. UNESCO International Institute for Higher Education in Latin America and the Caribbean (IESALC). Higher Education Policy Observatory: Kazakhstan Country Profile: Report. Caracas: UNESCO IESALC, 2025.
37. Бюро национальной статистики Агентства по стратегическому планированию и реформам Республики Казахстан. Миграция населения Республики Казахстан (2024 г.): Statistical Report. Астана: Бюро национальной статистики РК, 2025.
38. Amrin A.K., Kaliyeva S.A., Alzhanova F.G. Migration Processes in Kazakhstan in the Context of the Formation of the Silk Road Economic Belt // J. Popul. Soc. Stud. Institute for Population and Social Research, 2020. Т. 28, № 2. С. 156–174.
39. Gaysina S.N., Chulanova Z.K., Dzhumashev N.M. Socio-Economic Risks of Internal Migration Processes and Their Impact on the Socio-Territorial Mobility of the Population of Kazakhstan // Econ. Strategy Pract. The economy: strategy and practice, Institute of Economics Science of the Republic of Kazakhstan, 2023. Т. 18, № 3. С. 174–188.
40. Kõu A. и др. A Life Course Approach to High-skilled Migration: Lived Experiences of Indians in the Netherlands // J. Ethn. Migr. Stud. Informa UK Limited, 2015. Т. 41, № 10. С. 1644–1663.
41. Правительство Республики Казахстан. Об утверждении Комплексного плана по поддержке молодежи Республики Казахстан на 2021–2025 годы. 2020.
42. Правительство Республики Казахстан. Об утверждении Концепции государственной молодежной политики Республики Казахстан на 2023–2029 годы. 2023.
43. Nyusupova G.N. и др. Migration trends in Kazakhstan related to geopolitical situations // J. Geogr. Environ. Manag. al-Farabi Kazakh National University, 2025. Т. 77, № 2.
44. Бокаев Б.Н., Ахметова Г.Б. Образовательная мобильность как инструмент экономического регулирования внутренней миграции в Республике Казахстан // J. Econ. Res. Bus. Adm. 2024. Т. 149, № 3. С. 174–188.
45. Kazakhstan P.R. Postanovlenie No. 918 ot 29 dekabrya 2020 g. «O Kompleksnom plane po podderzhke molodezhi na 2021–2025 gody». 2020.
46. Kazakhstan P.R. Zakon «O vnesenii izmenenii i dopolnenii v nekotorye zakonodatel'nye akty Respubliki Kazakhstan po voprosam molodezhnoi politiki». 2022.
47. Kazakhstan P.R. Postanovlenie No. 247 ot 28 marta 2023 g. «O Kontseptsii gosudarstvennoi molodezhnoi politiki Respubliki Kazakhstan na 2023–2029 gody». 2023.
48. Kazakhstan P.R. Postanovlenie No. 185 ot 13 aprelya 2023 g. «O Gosudarstvennoi programme razvitiya obrazovaniya i nauki Respubliki Kazakhstan». 2023.
49. Kazakhstan P.R. Postanovlenie No. 249 ot 25 aprelya 2025 g. «O vnesenii izmenenii v Kompleksnyi plan po podderzhke molodezhi». 2025.
50. Kazakhstan P.R. Postanovlenie No. 2569 ot 2 maya 2025 g. «O vnesenii izmenenii v Gosudarstvennuyu programmu razvitiya obrazovaniya i nauki». 2025.
51. Ledeneva V.Yu. и др. Educational Policy of Kazakhstan in the Context of Youth Migration // Vysshee Obraz. V Ross. High. Educ. Russ. Moscow Polytechnic University, 2021. Т. 30, № 6. С. 156–168.

References

1. Bureau of National Statistics of the Agency for Strategic Planning and Reforms of the Republic of Kazakhstan. (2025). Population of the Republic of Kazakhstan by sex and type of area (as of July 1, 2025). Astana: Bureau of National Statistics RK.
2. UNESCO. (2024). Higher Education Policy Observatory: Kazakhstan – Higher education snapshot and international student mobility. Paris: UNESCO.
3. UNESCO Institute for Statistics. (2025). Net flow of internationally mobile students (inbound – outbound), both sexes, Kazakhstan. Retrieved from <https://databrowser.uis.unesco.org/>
4. Zhalnina, K. (2021). International educational migration: Case of Kazakhstan. *Eurasian Journal of Economic and Business Studies*, 3(61).
5. Burnashev, R., & Chernykh, I. (2024). Kazakhstan in the Eurasian migration system: Key trends for the early 2020s. *International Relations and International Law Journal*, 106(2), 19–31.
6. Kabiyeu, D. (2025). Kazakhstan & Central Asia: Brain drain or brain gain? Student Review. Harvard Kennedy School. <https://studentreview.hks.harvard.edu/kazakhstan-central-asia-brain-drain-or-brain-gain/>
7. Bokayev, B., Torebekova, Z., & Davletbayeva, Z. (2020). Preventing brain drain: Kazakhstan's presidential “Bolashak” scholarship and government regulations of intellectual migration. *Public Policy and Administration*, 19(3), 25–35.
8. De Haas, H. (2021). A theory of migration: The aspirations–capabilities framework. *Comparative Migration Studies*, 9(1). <https://doi.org/10.1186/s40878-020-00210-4>
9. Robertson, S., Harris, A., & Baldassar, L. (2018). Mobile transitions: A conceptual framework for researching a generation on the move. *Journal of Youth Studies*, 21(2), 203–217. <https://doi.org/10.1080/13676261.2017.1362101>
10. Tsaurkubule, Z., et al. (2020). Assessment of competitiveness of regions of the Republic of Kazakhstan. *Insights into Regional Development*, 2(1), 469–479. [https://doi.org/10.9770/IRD.2020.2.1\(7\)](https://doi.org/10.9770/IRD.2020.2.1(7))
11. Zaynieva, L. (2023). The importance of the international scholarship «Bolashak» in the formation of the personnel reserve of the Republic of Kazakhstan. *Bulletin. Series History. Socio-Political Sciences*, 74(3).
12. Kappassova, G., et al. (2024). Migration processes in the Republic of Kazakhstan: Regularities, problems, and prospects. *Two Homelands*, 59.
13. Lee, E. S. (1966). A theory of migration. *Demography*, 3(1), 47–57. <https://doi.org/10.2307/2060063>
14. Castles, S. (2010). Understanding global migration: A social transformation perspective. *Journal of Ethnic and Migration Studies*, 36(10), 1565–1586. <https://doi.org/10.1080/1369183X.2010.489381>
15. Portes, A. (2010). Migration and social change: Some conceptual reflections. *Journal of Ethnic and Migration Studies*, 36(10), 1537–1563. <https://doi.org/10.1080/1369183X.2010.489370>
16. Van Hear, N. (2010). Theories of migration and social change. *Journal of Ethnic and Migration Studies*, 36(10), 1531–1536. <https://doi.org/10.1080/1369183X.2010.489359>
17. Flöthmann, E.-J. (1993). Migration and the life course. *Bulletin of Sociological Methodology*, 39(1), 45–58. <https://doi.org/10.1177/075910639303900104>
18. Horowitz, J., & Entwisle, B. (2021). Life course events and migration in the transition to adulthood. *Social Forces*, 100(1), 29–55. <https://doi.org/10.1093/sf/soaa084>
19. Karachurina, L., & Mkrtchyan, N. (2025). The up and down migration at various life-course stages: Russia case study. *Population, Space and Place*, 31(6). <https://doi.org/10.1002/psp.2789>
20. Cresswell, T. (2012). *On the move: Mobility in the modern Western world*. Routledge.
21. Lo, L., Li, W., & Tan, Y. (2023). Students on the move? Intellectual migration and international student mobility. *Journal of Ethnic and Migration Studies*, 49(18), 4621–4640. <https://doi.org/10.1080/1369183X.2022.2098235>
22. Vertovec, S. (2007). Super-diversity and its implications. *Ethnic and Racial Studies*, 30(6), 1024–1054. <https://doi.org/10.1080/01419870701599465>
23. Mazzucato, V., & Haagsman, K. (2022). Transnational youth mobility: New categories for migrant youth research. *Journal of Ethnic and Migration Studies*, 48(11), 2473–2492. <https://doi.org/10.1080/1369183X.2020.1853900>

24. Cao, C. (2008). China's brain drain at the high end: Why government policies have failed to attract first-rate academics to return. *Asian Population Studies*, 4(3), 331–345. <https://doi.org/10.1080/17441730802496507>
25. Abdramanova, U. E., et al. (2024). The economic consequences of youth migration in Kazakhstan: An analysis of the loss of human capital. *Bulletin of Turan University*, 4, 186–199.
26. Massey, D. S. (2018). The perils of seeing twenty-first century migration through a twentieth-century lens. *International Social Science Journal*, 68(227–228), 101–104. <https://doi.org/10.1111/issj.12171>
27. Iskakova, D., et al. (2022). Regulation of educational and labour migration of Kazakhstan youth abroad. *Migration Letters*, 19(5). <https://doi.org/10.33182/ml.v19i5.1881>
28. Ledeneva, V. Yu., et al. (2021). Educational policy of Kazakhstan in the context of youth migration. *Vysshee Obrazovanie v Rossii – Higher Education in Russia*, 30(6), 156–168. <https://doi.org/10.31992/0869-3617-2021-30-6-156-168>
29. Serikzhanova, S. S., & Zhanuzakova, A. A. (2022). Motives of internal migration in Kazakhstan: A comparative analysis on the example of three large cities. *Journal of Psychology and Sociology*, 81(2).
30. Tatibekov, B. L., Reuel, H., & Sabdenaliyev, B. (2024). Migration in the north and the south capitals of Kazakhstan: Theory, factors and econometric analysis. *Statistics, Accounting and Audit*, 94(3), 101–113.
31. Kurmangalieva, A., & Abdrakhmanova, G. (2013). Migration, career and educational strategies of rural schoolchildren in Kazakhstan. *Voprosy Obrazovaniya – Educational Studies*, 2, 121–139.
32. Bokayev, B. N., & Akhmetova, G. B. (2024). Educational mobility as an instrument of economic regulation of internal migration in the Republic of Kazakhstan. *Journal of Economic Research & Business Administration*, 149(3), 174–188.
33. OECD. (2019). *The road to integration: Education, migration and social cohesion*. Paris: OECD Publishing.
34. Li, W., Lo, L., & Lu, Y. (2023). Introduction: The intellectual migration analytics. *Journal of Ethnic and Migration Studies*, 49(18), 4577–4597. <https://doi.org/10.1080/1369183X.2022.2098236>
35. International Centre for Migration Policy Development. (2024). *Migration Outlook: Eastern Europe and Central Asia 2024*. Vienna: ICMPD.
36. UNESCO International Institute for Higher Education in Latin America and the Caribbean (IESALC). (2025). *Higher Education Policy Observatory: Kazakhstan country profile*. Caracas: UNESCO IESALC.
37. Bureau of National Statistics of the Republic of Kazakhstan. (2025). *Population migration of the Republic of Kazakhstan (2024): Statistical report*. Astana: Bureau of National Statistics RK.
38. Amrin, A. K., Kaliyeva, S. A., & Alzhanova, F. G. (2020). Migration processes in Kazakhstan in the context of the formation of the Silk Road Economic Belt. *Journal of Population and Social Studies*, 28(2), 156–174. <https://doi.org/10.25133/JPSSv28n2.011>
39. Gaysina, S. N., Chulanova, Z. K., & Dzhumashev, N. M. (2023). Socio-economic risks of internal migration processes and their impact on the socio-territorial mobility of the population of Kazakhstan. *Economy: Strategy and Practice*, 18(3), 174–188.
40. Kōu, A., et al. (2015). A life course approach to high-skilled migration: Lived experiences of Indians in the Netherlands. *Journal of Ethnic and Migration Studies*, 41(10), 1644–1663. <https://doi.org/10.1080/1369183X.2015.1019843>
41. Government of the Republic of Kazakhstan. (2020). On approval of the Comprehensive Plan to support youth of the Republic of Kazakhstan for 2021–2025 (Resolution No. 918 of December 29, 2020). Astana.
42. Government of the Republic of Kazakhstan. (2023). On approval of the Concept of State Youth Policy of the Republic of Kazakhstan for 2023–2029 (Resolution No. 247 of March 28, 2023). Astana.
43. Nyusupova, G. N., et al. (2025). Migration trends in Kazakhstan related to geopolitical situations. *Journal of Geography and Environmental Management*, 77(2).
44. Bokayev, B. N., & Akhmetova, G. B. (2024). Educational mobility as an instrument of economic regulation of internal migration in the Republic of Kazakhstan. *Journal of Economic Research & Business Administration*, 149(3), 174–188.
45. Government of the Republic of Kazakhstan. (2020). *Postanovlenie No. 918 ot 29 dekabrya 2020 g. «O Kompleksnom plane po podderzhke molodezhi na 2021–2025 gody»*.

46. Government of the Republic of Kazakhstan. (2022). Zakon «O vnesenii izmenenii i dopolnenii v nekotorye zakonodatel'nye akty Respubliki Kazakhstan po voprosam molodezhnoi politiki».
47. Government of the Republic of Kazakhstan. (2023). Postanovlenie No. 247 ot 28 marta 2023 g. «O Kontseptsii gosudarstvennoi molodezhnoi politiki Respubliki Kazakhstan na 2023–2029 gody».
48. Government of the Republic of Kazakhstan. (2023). Postanovlenie No. 185 ot 13 aprelya 2023 g. «O Gosudarstvennoi programme razvitiya obrazovaniya i nauki Respubliki Kazakhstan».
49. Government of the Republic of Kazakhstan. (2025). Postanovlenie No. 249 ot 25 aprelya 2025 g. «O vnesenii izmenenii v Kompleksnyi plan po podderzhke molodezhi».
50. Government of the Republic of Kazakhstan. (2025). Postanovlenie No. 2569 ot 2 maya 2025 g. «O vnesenii izmenenii v Gosudarstvennuyu programmu razvitiya obrazovaniya i nauki».
51. Ledeneva, V. Yu., et al. (2021). Educational policy of Kazakhstan in the context of youth migration. Vysshee Obrazovanie v Rossii – Higher Education in Russia, 30(6), 156–168. <https://doi.org/10.31992/0869-3617-2021-30-6-156-168>

STATE GOVERNANCE OF EXTERNAL EDUCATIONAL MIGRATION OF KAZAKHSTANI YOUTH

Argynbayeva Zhanar¹

¹Narxoz University, Almaty, Kazakhstan

Abstract

Purpose of the study. The study aims to identify the scale and specific features of external and regional educational migration of young people in Kazakhstan, and to justify policy measures aimed at transforming educational mobility into a driver of sustainable development.

Methodology. The research employs comparative and structural methods of analysis of migration statistics by region and field of study, as well as content analysis of government programs and regulatory documents governing migration, education, and youth policy in Kazakhstan.

Originality. This study is the first to compare external and regional youth migration in Kazakhstan within a unified analytical framework. The proposed approach reveals the relationship between territorial imbalances within the country and the scale of brain drain abroad. Its value lies in the integration of quantitative migration statistics and public policy analysis, which together provide a comprehensive understanding of migration processes.

Results. The largest outflow of young people is observed in technical, economic, and pedagogical specialties, particularly in the northern and eastern regions of Kazakhstan. In contrast, two southern and two western regions demonstrate a relative capacity to attract young people. A comparison of government programs indicates a gradual adaptation of youth policy to new challenges, although significant gaps remain in retaining specialists in strategically important fields.

Keywords: migration, youth, education, public policy, brain drain, human capital

ҚАЗАҚСТАН ЖАСТАРЫНЫҢ СЫРТҚЫ БІЛІМ МИГРАЦИЯСЫН МЕМЛЕКЕТТІК БАСҚАРУ

Ж. Ж. Арғынбаева¹

¹«Нархоз Университеті» КЕАҚ, Алматы қ., Қазақстан

Аңдатпа

Зерттеудің мақсаты. Зерттеудің мақсаты – Қазақстан жастарының сыртқы және өңірлік білім беру көші-қонының ауқымы мен ерекшеліктерін айқындау, сондай-ақ білім беру ұтқырлығын орнықты даму факторы ретінде қалыптастыруға мүмкіндік беретін мемлекеттік саясат шараларын ғылыми негіздеу.

Әдістеме. Зерттеуде өңірлер мен мамандықтар бөлінісіндегі көші-қон статистикасын салыстырмалы және құрылымдық талдау әдістері, сондай-ақ Қазақстандағы көші-қон, білім беру және жастар саясатын реттейтін мемлекеттік бағдарламалар мен нормативтік құжаттарға контенттік талдау әдісі қолданылды.

Зерттеудің ерекшелігі мен құндылығы. Алғаш рет Қазақстан жастарының сыртқы және өңірлік көші-қоны біртұтас талдау шеңберінде қарастырылды. Бұл тәсіл ел ішіндегі аумақтық теңсіздіктер мен шетелге кетіп жатқан «мидың ағуы» ауқымы арасындағы байланысты айқындауға мүмкіндік береді. Жұмыстың құндылығы – көші-қон статистикасының сандық талдауын мемлекеттік саясатты институционалдық талдаумен ұштастыруында.

Зерттеу нәтижелері. Техникалық, экономикалық және педагогикалық бағыттағы мамандар арасында, әсіресе солтүстік және шығыс өңірлерде жастардың ең көп кетуі тіркелді. Керісінше, екі оңтүстік және екі батыс аймақ жастар үшін салыстырмалы тартымдылығын көрсетеді. Мемлекеттік бағдарламаларды салыстыру жастар саясатының жаңа сын-қатерлерге бейімделіп келе жатқанын дәлелдесе де, стратегиялық маңызды салалардың мамандарын ұстап қалуда олқылықтар сақталуда.

Түйінді сөздер: көші-қон; жастар; білім; мемлекеттік саясат; мидың ағуы; адами капитал.

Об авторе

Арғынбаева Жанар Жумағалиқызы – PhD, ассоциированный профессор, НАО «Университет Нархоз», г. Алматы, Казахстан, email: zhanar.argynbayeva@narхоз.kz, ORCID ID:0000-0003-0422-9710*